

Цена 15 коп.

Индекс 70668

СУББОТНЕЕ

СПОРТЛОТО

[5 из 36].

ТОЛЬКО
ОЛИМПИЙСКИЕ
ВИДЫ СПОРТА.

Гребля, байдарка и каноэ (20).

Цена карточки 60 копеек.

Каждую субботу — два тиража.

Выигрыш на 3, 4, 5 номеров
(видов спорта).

Размер выигрыша от 3 до 5 000 рублей

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
СПОРТИВНЫХ ЛОТЕРЕЙ

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 26

1978

Евгений ВИНКУРОВ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

ПУТЕШЕСТВИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 26

Евгений ВИНОКУРОВ

ПУТЕШЕСТВИЯ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1978

Евгений ВИНОКУРОВ

Евгений Михайлович Винокуров родился в 1925 году в Брянске. После окончания 9-го класса ушел добровольно на фронт. Участвовал в боевых действиях в качестве офицера-артиллериста на 4-м Украинском фронте.

В 1946 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, окончание которого совпало с выходом его первой книги «Стихи о долге». За ней последовали поэтические сборники: «Синева», «Признания», «Лицо человеческое», «Слово», «Музыка», «Характеры», «Земные пределы», «Ритм», «Жест», «Метафоры», «В силу вещей», «Сережка с Малой Бронной», «Контрасты», «Дом и мир», «Она» и др. В 1966 году опубликовал книгу статей «Поэзия и мысль».

В 1976 г. вышел двухтомник «Избранные произведения». 20 книг поэта издано в переводе на разные языки мира.

ТАНЕЦ ПЧЕЛ

Я вышел в полдень к паводку Печоры
и танец пчел увидел под горой.
Безмолвным танцем говорили пчелы,
куда лететь за пищей должен рой.
Старик,

что в поле встретился, с пилою,
чьи волосы, как облака, белы,
смотря вослед взлетающему рою,
поведал мне о мудрости пчелы...
И я, уйдя в леса пустые снова,
за предзнаменование то почел,
что жизни смысл откроется без слова,
как в этом танце у печорских пчел.

ГРАММОФОН

Граммфон отошедшей эпохи,
я весь вечер сегодня с тобой.
Мне милы твои хрипы и вздохи,
инструмент с допотопной трубой.
Средь содомов двадцатого века,
что циничен, могуч и умен,
слышу: голос святой человека
из минувших доходит времен.
Не о прихотях потного тела,
но, сипя, и треща, и шурша,
хочет он, чтобы вечно летела
к бескорыстному небу душа.
Он скрипит, шепелявя сердито,
запинаясь и ёкая зло...
В мире что-то такое забыто,

что-то ведь безнадежно ушло!
За стаканом постылого чая
среди пустыни сижу Мировой,
ручку слабую туго вращая,
в лад качая ему головой.

* * *

Вот меня отпустили заботы
посредине июньского дня.
Ощущение тихой свободы
посетило сегодня меня..
Слышал я: где-то птицы пропели!..
От святой пустоты бестолков,
словно небо увидел в пробеле
расступившихся вдруг облаков.
А всего-то пустячное дело!..
Я под небом до вечера был.
Просто память моя отлетела...
Просто я свою жизнь позабыл.

ПРОДАВЩИЦА ОСЬМИНОВ

У моря рынок разномастный..
На голове ее венки.
И вьется возле ног опасный
и безобразный осьминог.
Запастье у нее в рубинах.
Едва-едва ей десять лет!
Он только что ведь был в глубинах
и поднят вдруг на белый свет.
Всем на него взглянуть охота!
Он только что сейчас из тьмы.
Уродина, он знает что-то
такое, что не знаем мы!
Не может с нами быть согласия!
Он вьется, чтоб сказать: я жив!
Святую тайну безобразья
пред целым миром обнажив..
При всех бунтует тварь живая,
из глубей непонятных гость,
при свете дня переживая
и страх, и боль, и стыд, и злость.

То взор его пронзится болью,
то вдруг в нем замерцает стыд!..
Но девочка почти с любовью
на это чудище глядит.

ПРИРОДА

Вот тетерев торжественен и перист
с подругою приветствует весну.
И на море Саргассовом был нерест,
и вот мальки назад плывут в Шексну
Кудахтаньем нарочным подманили
из скорлупы возникшего птенца.
И дочь опять рыдает на могиле
пять лет назад умершего отца.
И происходит таинство в природе,
никто не отступает ни на шаг...
И птицу, ослабевшую в полете,
опять не бросит все-таки вожак.

ЛИК

Кто их удел вселенский взвесил,
что были с вечностью в ладу,
все те, от чьих тяжелых чресел
я родословную веду.
Мне говорил какой-то голос:
крепись, в руках себя держи!
Ты ничего, ты только колос
на бесконечном поле ржи!
В поту прокисла гимнастерка,
нес ПТР я на весу...
А голос пел: ты листик только
в тысячелиственном лесу!
Законы прошлого жестоки,
вперед неведомы пути,
и в историческом потоке
ты, друг, неразличим почти!..
Мир не почувствовал бы боли,
когда б однажды ты исчез.
И ты стоишь, как это поле,
и ты шумишь, как этот лес.
Я отвечал, что в самом деле,

хотя и впрямь я невелик,
но я б хотел, чтоб разглядели
потомки в темноте мой лик.
Хочу у гробового входа
я, без особенных примет,
чтоб вдаль дошло хотя бы фото,
где снялся я на документ.

* * *

Как жадно ждал я в детстве мига,
чтоб сесть за книгу в уголке!
Но для чего мне эта книга
на непонятном языке?
Но для чего мне эти строки,
где ничего не разберешь?
Но в поле облака высоки
и встала до полнеба рожь.
И я иду себе,

читая
вот эту даль, что глубока,
ведь книга Бытия простая,
как эта рожь и облака...
Скажу когда-то:

голубили
просторы речку неспроста,
но в книге той, добавлю, были,
однако, темные места.

* * *

В могилке, а не в саркофаге
лежит он, кинув этот свет.
Ему когда-то на рабфаке
сказали точно: бога нет!
Он токарь пятого разряда,
а не какой-то аноним.
И потому над ним ограда
и камень, может быть, над ним.
Как кедр ливанский из орешка
и как пшеница из зерна,
его рабочая усмешка
во мне сейчас повторена.

То он ведь из летейской стужи,
из мрака вечности донес
ко мне сейчас и эти уши
и этот хрящеватый нос.
И, словно воду из колодца,
что ведра черпают на дне,
семейное ночное сходство
потомки зачеркнули во мне.
Не знал он, что такое спешка,
и редко раскрывал он рот.
Ну так пускай его усмешка
летит в века из рода в род.
Хотя из одного колена
потонем мы-то с ним во мгле.
Но вечно будет тайна гена
непостижима на земле.

СВЕТИЛО

Молодость, точно светило, почти
Там на черте: «Я вас скоро покину!..»
Как человек, согревающий спину,
Я говорю ему:

«Не уходи!»

Я говорю ему: «Повремени!
Я повернуться хочу еще боком...
Ну, а потом заходи себе с богом,
Я ведь согласен остаться в тени».
Я говорю:

«Хоть минуту одну,

Только б минуту еще, в самом деле!..
Руки свои я к тебе протяну,
Пальцы мои уже похолодели».

ДЕРЕВО

Я видел дерево.

Оно в степи росло.
На фоне неба я его увидел.
Оно стояло пустоте назло.
Природы часть, ее особый выдел.
И только степь неясная окрест

лежала бесконечная, смурная...
Но дерево стояло, как протест,
лишь цвет листвы по прихоти меняя.

ДОЛГОЖИТЕЛЬ

На нем картуз, помятый китель.
Молчит, усами шевеля.
Сидит у сакли долгожитель,
который видел Шамиля...
Он жил. Он в юности у бека
служил. На жеребце форсил.
Бывало так, что из набега
он полонянку привозил.
Он жил. Он мясо рвал руками.
Кумыс стекал по бороде...
И от него как бы кругами
жизнь разошлась, как по воде.
Он жил, как конь введенный в стойло,
в нелегком окруженье скал.
Не пил, а как полощут горло,
он жизнью горло полоскал.
Он жил. И жизнь текла живая,
и ни о чем он не тужил,
а просто, жизнь переживая,
он жил, и жил, и жил, и жил.
И ангел за спиной на страже,
тот самый, кем он был храним.
И жизнь его, подобно чаше
воды, поставлена пред ним...
У ног, где выбит стих Корана,
я опустился на плиту
от имени умерших рано,
погибших с песней на лету.

КОЛОДЕЦ

И когда уже не было силы идти,
то, как всякий отчаявшийся землепроходец,
неожиданно я повстречал на пути
позабывтый, осыпавшийся колодец...

Я нагнулся и крикнул в него, и тогда
там, где было все пакостно и безотраднo,
на запущенном дне замерцала вода
и протяжный мой крик возвратила обратно.

Над колодезцем торчал измочаленный шест,
и молчал я,

 постигнувший удвоенье.
И ночная вода повторила мой жест,
означавший надежду и удивленье.

И тоска отошла, что пилила, свербя,
на мгновенье —

 и это почел я за благо, —
и в колодезц смотрел я, как будто в себя,
и лицо мое вверх подымалось из мрака.

ЗЛО

Я, не верящий в силу всемирного зла,
отшатнулся:

 из груди прибрежного ила
вдруг нежданно так близко змея подползла,
что еще бы мгновение, и укусила.

Я головку ей толстою палкой прижал
и заметил в секунды смертельные эти
вдруг мелькнувшее жало из тысячи жал,
что сейчас где-то жалят кого-то на свете.

Равнодушно курилась сухая зола
под пустыми скудеющими небесами.

Но прижалось к земле воплощение зла
и смотрело рубиновыми глазами.
И стояла в таинственном мраке тайга,
и заря отливала неведомым светом.

И не мог я злорадное слово «ага!»
произнести, как положено в случае этом.

* * *

Познаем мы на свете печали,
а потом зарекаемся впредь...
Только в жизни, как в самом начале,

надо бы ничего не уметь!
Запуская бумажного змея,
безмятежно за небом следил,
среди берез, ничего не умея,
я с блокнотом по тропам бродил.
За душою моею не имелось
в эти дни никого, ничего.
И справляла моя неумелость
в это время свое торжество!
Там, где парка ограда резная,
я ступал на осеннюю грязь,
ничего-то на свете не зная,
ничего-то еще не боясь.
И еще не подвержен наветам,
я незнанием был озарен!..
Этот мир, что тогда был неведом,
обступал меня с разных сторон.
Это было всего лишь начало.
Как приветлив наш мир к новичкам!
Потому-то так сердце стучало
в лад веселым ее каблучкам.

* *
*

Гордая дева волосы длинные вниз уронила,
Встав на колени, глядит на разбитый сосуд...
О, не гляди ж на упавшую урну уныло!
Скоро придут сюда люди и с гипсом бадью принесут.
Там, где отбилась, подправят. И величавая поза
И гармоничные складки — все это вранье!..
Мне же милей эта черная бедная проза:
Лужи. Деревья. И на суках воронье.

ЛОШАДЬ В ШАХТЕ

Лошадь, что бредет глубокой штольной,
черное пред ней открыто дно...
Нет на свете чище и просторней
неба, что ей видеть не дано!
В сумерках неощутимых серых
чувствуя непреходящий зуд,
ничего не ведает о сферах,
что, по мнению гностиков, поют!

Не прибита сложным мирозданием
подошла к неведомой черте,
отвечает невеселым ржаньем
угольной горчащей пустоте.
Жизнь ее уже прошла без света,
без событий, без часов, без дат...
Как ей ведать, что в пространствах где-то
ангелы, наверное, летят?

Кардиф

ЛЕКЦИЯ

«Обывателя не обижай».

Суворов

Седоволосый академик
поднял глаза, как лицедей...
Век изумительных полемик,
век изумляющих идей!
От вздетых под небо ладоней
какая чехарда в умах!
А тут для новых космогоний
астролог нужен или маг!
В миры входить нельзя без стука:
там все вопрос, вопрос, вопрос...
Сошедшая с ума наука
на всех кидается, как пес!
Трещат научные преданья
под грузом малых величин.
И там в глубинах мирозданья
уж нет ни следствий, ни причин!
А лектор все долбит, как дятел:
— Конец вселенной недалек...

Сидит, взгрустнувший, обыватель,
и сполз на ухо котелок.

* * *

Жизнь у него, однако, не плохая...
Там за оградой, где по остриям
Вверх вьется плющ, в шелку лежит, вдыхая
Пунцовые цветы,

Омар Хайям.

Уста сравнить ли в сотый раз с рубином,
Иль, уж ни с чем не сравнивая впредь,
Полузакрытым взглядом ястребиным
На медлящую женщину смотреть?..
В цветном дворце средь страшных наслаждений,
Где вечен сон, а человек, что вошь.
Чего ты хочешь, отвечай мне, гений?
Чему ты учишь и куда зовешь?..
И он ответит: жизнь сплошная мука.
Так надо, смерти чуя немоту,
Есть только сласти и, как в бочке муха,
Почить навеки в золотом меду.

МЕДУЗА

Медуза скользкая мясиста,
она заметна без труда
вон там, где цвета аметиста
мерцает в глубине вода.
Почти не составляя груза
и омерзительно нежна,
ты, бесполезная медуза,
зачем на свете ты нужна?
Заполнив южные широты,
как стекловидное тряпье,
ты славишь замысел природы
и бескорыстие ее.

СЛАВА

Ну кто из нас не бредил славой?..
Так ждут в тоске у кабака
С башкою трудной и шалавой
Замызганного пятака.
И я переводил чернила
Во тьме чердачного угла...
Она мне долю отравила
И ядом в плоть мою вошла.
Во мраке к солнцу шел, безвестный,
Тропой, срываясь, одинок,
Когда бесславье смертной бездной
Чернело возле самых ног.
Она моею стать могла бы,

Когда б еще один прыжок!..
И раскаленный уголь славы,
Шипя, ладонь мою прожог.
И зуд ее стыдней, чем похоть,
Страшней, чем на зрачке пятно!..
Она ж как этот самый локоть,
Что укусить нам не дано.
И сколько мальчиков, сгорая,
Погибло, вскинув руки к ней!..
А кто ж вошел в те двери рая,
В тот сонм классических теней?
Кто ж отхлебнул от этой чарки?..

Кто будет в зелени густой
Один стоять, сутулясь, в парке
Над городской суетой?

АЛЬБОМ

Пришел с работы, руки вымыл,
поел, зевнул да и в кровать...
Но нужен ведь какой-то стимул,
чтоб просто так существовать?!
Но ведь нужна же сверхзадача?
Жить,
чтобы где-то в пятьдесят
попалась наконец-то дача
и кротко подстригать свой сад?..
Я думаю,
альбом листая
с розовощекою четой:
иль, может, эта жизнь простая
права своею простотой
и мир устал опять от зноя
самосожженных костров,
и от всемирного запоя
международных катастроф?!

* *
* *

Шум океанского прибоя.
И на прибрежном островке
куст и обложка от «Плейбоя»,
полузарытая в песке...

И там, где небеса разъяты,
стоит она одна, бела...
Как громко бьют ее набаты!
Как бьют ее колокола!
Тьма, освещенная Селеной,
и бесконечна и пуста...
И отдается по вселенной
ее святая нагота.

ХИППИ

Бек тонет в крике, силе, хрипе,
царит земной переполох...
Лежит среди Парижа хиппи
и давит на подруге блох.

И нет им никакого дела
до стонущих в тоске родных!
Прокишшим потом пропотело
последнее тряпье на них.

О чем тут может быть забота,
когда вся жизнь для них пустяк,
и беспредельная свобода
над ними подняла свой стяг?

Хотят среди земного ада
прожить так просто, без затей?
А, может быть, и впрямь не надо
варить борщи, качать детей?

А, может, так и жить у края,
чтобы не мучилась рука,
упорно запонку вдевая
с утра в петлю воротничка?
Там, где грохочет эстакада,
они лежат, дрожа в углу...

А, может быть, и впрямь не надо
в камине шевелить золу,
а видеть на планете старой
лишь звездный мир над головой,
как этот, что лежит с гитарой
на многолюдной мостовой?

Спасите нас от пророков,
от воплей их и от слез,
от наступающих сроков,
предсказанных ими всерьез.
Нельзя уже и за водою
девице пройти стороной —
они трясут бородою
и брызгаются слюной.
Спасите нас от пророков!..
Удел наш — поле и труд.
Они от наших порогов
наших детей уведут.
Замуж не выйдут девы
и ведать не будут стыда.
И оскудеют посевы,
и пропадут стада!
Спасите нас от пророков,
что впали в неистовый раж,
и там, за кущицей дроков,
пускай догорит мираж.

МОИ УЧЕНИКИ

Уже мои ученики
задумчивы и седы.
Сидят, надвинув козырьки
и распахнув газеты...
Они уж без обиняков
сказать о всем умеют,
и собственных учеников
они уже имеют!
Уже мои ученики
в саду гуляют сами:
и от болезней синяки
под грустными глазами.
Качают головой не в лад,
и жизнь у них простая:
они губами шевелят,
стихи других читая.
Пред ними только труд да труд
над белизной страницы...

Они уже давно не ждут
какой-нибудь жар-птицы!
Корпят, рассудку вопреки,
над подготовкой смены...
Уже мои ученики
надменны и степенны.
Уж не парят под облака.
У них уж жены, дети...
Вчера про смерть ученика
я прочитал в газете.

КАЗИНО

А кто видал, как неудачник мечет,
как все его лицо искажено,
когда опять два слова «чет» и «нечет»
ночное сотрясают казино,
и как его рука ползет за сдачей
в карман,
а там кончатся стала медь?!.
Перед великой этой неудачей
способны все
почти благоговеть!
Толпа молчит,
уже все понимая...
Ничто тому не может быть виной!..
И дикий взор и бледность неземная.
Над залом вест ужас неземной.

НА КРАЮ СВЕТА

Страна одичалых норд-остов,
где темная церковь пуста,
где на берег выброшен остов
убитого в бурю кита.
За домом на склоне отлогом
лишь отблеск полярного дня...
И в край тот, покинутый богом,
судьба заманила меня!
Все туча темнее и строже...
В окошке зажегся уют!..
И здесь, как и в мире, все то же;
живут, и живут, и живут!

ДЖОРДАНО БРУНО

За истину, за убежденья
он принял смерть в расцвете сил...
Я ныне в день его рожденья
тост за него провозгласил!
Уже огонь лица касался,
уж весь он потонул в дыму,
но целовать он отказался
крест, что протянут был ему...
Взор вскинув к небу вдохновенный,
он думал в этот миг, суров,
о бесконечности вселенной,
о бесконечности миров.
Но, в это веруя глубоко,
твердил одно он, не таясь,
что истина не против бога,
а только бога ипостась!
И в шелковой лиловой рясе
смотрел печальный кардинал,
как к той великой ипостаси
в огне он руки простирал.

ЧЕРЕПАХА

Вот причуда пустоты и праха,
давшая смиренности обет,
проползает полем черепаха,
предвкушая за кустом обед.

Средь постылой мировой пустыни
движется она едва-едва...
Что за дело ей до этой сини,
твоего, природа, торжества?!

Молока ей из бутылки вылей
и зерна ей насыпь из горсти.
Сколько надо дьявольских усилий,
чтобы ей за пищей проползти!

Залегла средь стеблей молочая,
надо быть чуть-чуть и посмелей!
Острое блаженство ощущая
от обыкновенности своей.

МИСТИК

Вся голова его облезла.
Мерцают буквы на томах.
Сидит, упершись в ручки кресла,
то ли астролог, то ли маг...
Там небо в глазах голубиных!
Свеча стекает на шандал...
Что там в мистических глубинах,
прищурившись, он увидал?
Но с темным таинством могилы
он все-таки накоротке!
Небесные зажаты силы
в его напрягшейся руке.
Головкой клонится белесой:
ну, что там шепчет аноним?
Грядущее, что за завесой,
как будто книга перед ним!
Его прозрение осеняет...
Сидит он, сморщившись, как гнусь
И вижу я: подлец, он знает,
где я когда-нибудь споткнусь!..
Сидит он в комнатке унылой,
смотря из-под упавших век.
И знает, знает он, где с милой
мы распрощаемся навек!..
И трудно холодеет лоно,
уж холодок дошел до ног...
И так внезапен телефона
сюда прорвавшийся звонок!

СТАРИКИ

Под небоскребами, где в парке
труба за выгибом реки,
сидят, опершись на палки,
безжизненные старики.
Что говорить, пирог доеден.
Покой, и тот уже не мил.
Для вяло тянущихся сплетен
почти что не хватает сил.
Уже их взяли на поруки.
Глаза их бледные чисты.

И флегматичные старухи
вязаньем рядом заняты.
Былые минули восторги.
Сидят ослушники судьбы.
Какая разница — в Нью-Йорке
иль на заваulinке избы?
Из пледа вытянулась шея.
Горжетки выщепленный мех...
И солнышко макушки грея,
одно, неяркое, на всех.

* * *

Я видел как-то бокс в Канаде —
Конец! И публику, как сор,
зал вымел, только на канате
висит освистанный боксер...
О иступленность поединка!
О непреклонность молодых!
Вошел, короткая разминка,
и бьет, остервенев, под дых!
Как на подмостках, что дощаты,
вопят, противника поправ!
Они не ведают пощады.
Они чужих не знают прав...
От посланного поцелуя
уж публика завывала вся!
А он ликует, торжествуя,
клок бороды в руке тряся!
Успеха тайна неизвестна,
и не к чему добро и зло.
Вопит, и рот зубастый зверство
ему всю разодрало.
Орет, в прожекторах, у края
тот, кто ударом изумил,
стальными мышцами играя,
стоит бестрепетный кумир!
Так тигр сшибает лося лапой,
так в луже бьются сизари...
Девиз летит: погибни слабый,
а сильный навсегда цари!
Герои ринга, трека, корта
вопят, ликуя, под конец...
Лишь побеждает неохотно
своих соперников мудрец.

Я говорю: а ну, приятель,
пусть спляшет нам твоя змея!
И поднял флейту заклинатель,
в глазах чего-то затая...
Что это: мистика иль шутка?
В XX веке, как и встарь,
бывает все ж немного жутко,
когда танцует эта тварь!
Глаза холодные недобры,
и язычок двойной во рту,
но как душа у этой кобры
обожеествляет красоту!
Вот встала, извиваясь плавно,
чтоб задержала вдох толпа,
как хладнокровно, как исправно
она выделяет па!..
Того, что мы не видим, видя,
чему-то подчинясь на час,
она танцует, ненавидя
и флейту, и себя, и нас.

НИАГАРА

Не избежать канадского загара,
и на руке висит мое пальто...
И вот передо мною Ниагара,
и хочется воскликнуть: «Ну и что?»
В моем блокноте будет эта дата
и краткая отметка: повидал...
Но мне не то мерещилось когда-то,
я большего когда-то ожидал!
Расспрашиваю гида деловито,
и что-то вскользь бросаю о красе,
и, головою покачав для вида,
притворно удивляюсь, как и все.
Я подступил еще поближе к краю:
вода бежит обычна и темна...
Считаюсь и иллюзии теряю.

Вот и еще потеряна одна.

Посмейся надо мной! Скажи: какой чудак!
Я буду говорить. Все выскажу к рассвету.
Я знать хочу: что бред! Что все это не так!
Что страх напрасен мой! Что ничего ведь нету!
Детали приведу. Тут факты, мол, одни!
Вот так-то, мол, и так. Все просто, мол, донельзя!
Я буду говорить. Ты уши вдруг заткни.
Скажи: какой дурак!..

И надо мной посмейся.

ПОТЕРЯ ПАФОСА

Легким горлом поется
Сегодня на клиросе певчим.
А в подвалах горит воспаленность
На лицах гуляк.
Только ночь холодна,
Только ночи похвастаться нечем.
И на древнем барокко потрескался лак.
Где же пафос достать?
Может, дать объявление в газету?
Где простертые длани?
Где молний удар из очес?
Люди мерно жуют, путешествуют, ссорятся...
Нету!
Все на месте, как было.
Но пафос исчез.
Как случилось, что пафоса вдруг
Оскудели запасы?
Не запасы урана. И не запасы угля...
И выходит актер.
И, как фокусник, делает пассы.
И уходит он, зала не расшевелив.
А чего там кричать?
Ну, чего горячиться?
Ироничность и тонкость?
Да я ведь их тоже ценю.
Но нельзя же иронией жить!
Это только горчица,
Лишь приправа.
А, собственно, где же меню?..
Прежде, словно меха,

Раздувавшие горны,
Поднимались манишки.
Но пафоса нет и следа.
Ведь летящие волосы
Нынче и ложны и вздорны?
Пафос вышел, как в трещинку
Тихо выходит вода.
Писем пылких не шлите.
Бросайте сухую открытку.
Не летите стремглав,
А ползите,
Слегка тормозя...
Тот поплатится жизнью,
Кто сделать способен попытку
Стать высоким,
Когда быть высоким
Нельзя.

ПО ТУ СТОРОНУ ЛИЦА

Я как-то раз
На горячей дороге в Альпах, в местности,
Где были когда-то концлагеря,
Попал в самую середину пыльного
Стада овец.
Овцы равнодушно обтекали меня,
Как островок,
С обеих сторон.
Они тыкались своими тупыми
Курчавыми мордами
В меня и друг в друга.
Они шли, как шли по этой дороге
Тысячу лет назад
И две тысячи лет назад.
Они текли, как текла бы
Долина вместе с травой,
Как текли бы холмы,
Как небо с облаками...
Пастух схватил одного барана
И вынул складной нож.
Другой пастух стал разводить
Костер для ужина...

Но если поднять лицо человека,
Как крышку бака,
Под ним будет клубиться
Хаос.

ЖИЗНЬ

Человек пошел один по свету...
Поднял ворот. Запахнул полу.
Прикурил, сутулясь, сигарету,
став спиной к ветру, на углу.
Плюнул в речку дымную с помоста,
не спеша, лениво, не со зла.
Ничего и не случилось,
просто
наконец почувствовал: прошла...

* *

Коренник от чрезмерной натуги заржал,
Грязью обдав подол подвернувшейся бабе...
Чужеземец с моноклем в предместье въезжал,
Утопая по спицы в российские хляби.
И куражился поп у кружала спьяна,
И в сугробе алели кровавые пятна...
И лежала пред тем чужестранцем страна,
Что на свете была никому не понятна!
И юродивый пел возле церкви внадсад,
Что витают кругом херувимы незримо.
Что Москва на земле — это ангельский сад
И еще о величии третьего Рима.

❖ ❖ ❖

Опять с намокшей шляпы каплет,
в кармане звук пустой ключей.
Вот он идет, полночный Гамлет,
ненужный.

Брошенный.

Ничей.

Под ноги лист кидает осень...

ПУТЕШЕСТВИЯ

Как ты дрожишь, душа! Иль ты боишься мира,
вот этих рук, холодных рук его?..

Но истины разящая рапира

ответит выпадам на это торжество!

Как ты дрожишь, душа! Уже гудят вокзалы.

И в чуткой синеве чудит аэродром,

где в зале уже подняты бокалы

за то, что едем мы, за то, что мы живем!

Как ты дрожишь, душа, боясь непостоянства!

И вот уж все молчат, бокалы осуша...

И то не просто тост, и то не просто яства,

то проводы твои!..

Как ты дрожишь, душа!

* * *

Ты одна все та же год от года,

да и нету никакой иной,

ты ли. бестелесная свобода,

в ночь летишь и крылья за спиной!

Ты прости:

тебя постигнуть тужась,

я понять не смог твоих границ!

Вызываешь ты безмерный ужас

у простертых пред тобою ниц.

И неодолимая, как слава,

ты летишь, подав условный знак,

плещущимся факелом кровавая

быстро расступающийся мрак,

чтобы стать победносно за гранью,

не постигнув, где же твой предел,

над высокой, отданной закланью,

грудой мертвых юношеских тел.

ГУНН

Где у гор раскинулась лагуна

И высокий кипарисный сад.

раскопали погребенье гунна,

Умершего столько лет назад!

Он лежал, внушительный владыка.
В окруженье двух невзрачных слуг.
На руке браслет из сердолика.
Щит. Копье. Кинжал. Колчан. И лук...
...Что он помнил? Вот была работа!
Воинский неистребимый пыл!
Запах крови, варева и пота.
В круглых чашах молоко кобыл.
Рим тонул в неимоверном гаме.
Вождь рубил, бездумен и космат...
И еще молился робко в храме
Гунном не заколотый прелат.

МИФ О БОГОБОРЦЕ

«Наткнулась на волю воля».

Гете «Прометей»

Бог боролся с Яковом во мраке.
Бог велик, а Яков худ и мал.
Яков победил, но после драки
он всю жизнь отчаянно хромал...
Этот скажет слово, что отрубит,
тот умрет в пороховом дыму.
Бог того всего сильнее любит,
кто сопротивляется ему!
И горят библейские созвездья,
освещая торные пути...
Есть одна дорога благочестья —
с богом врукопашную войти!
Силы неба на хвалу не падки.
Пусть с мольбой склоняется левит...
Богоборец, только в смертной схватке
светлый бог тебя благословит.

ТАНЕЦ ЖИВОТА

По Восточной Азии скитаясь,
В глубине одной из дальних стран
В хижину вошли мы,
где китаец

Содержал дешевый ресторан.
И, закрывши дверь того лишь ради,
Чтобы не налезла вшивота,
Для туристов важных на эстраде
Объявили танец живота.
Мы тихи сидели, одиноки
В недрах непонятной стороны:
Оказалось,
 что для танцев ноги
Так же, как и руки, не нужны!
Оказалось:
 нужно лишь кресало
И кремень для высечки огня...
И собрание слабых мышц плясало,
Мучая и радуя меня.

ПСИХЕЯ

Голова в белой шляпке от зноя.
Вот идет она, рожью шурша.
Это что-то такое родное,
это, может быть, просто душа,
это, может быть, просто родная,
что прошла глубиной полей,
от отчаянья руки роняя,
у постели присела моей.
В темной комнате прямо с вокзала,
ночь была эта, темная, зла.
— Мой бедняжка! — так просто сказала,
по щеке мне рукой провела.

БРИТАНИЯ

На чайку, залетную гостью,
туристы глядят из-под рук...
В порту, в треуголке и с тростью,
стоит мореплаватель Кук.
Под тентом болтают о спорте,
соломинкой тянут ситро...
И ногу в высоком ботфорте
поставил герой на ядро.
А где острова из коралла?
Где джунглей твоих полумрак?

Британия все растеряла,
уже не царит на морях!
Одной из всемирных империй
он сын, но стоит одиноко...
А что может быть отупелей,
чем хиппи, что сели у ног?
Ну что ж, коли любишь кататься,
то саночки тут вот как тут...
И два затрапезных британца
марихуану сосут.

* * *

Что ж, надо постепенно приучаться
не уходить от повседневных дел...
Удел отца иль просто домочадца
на свете самый праведный удел!
Среди семейства восседай, как турок.
Но за продуктами пойдешь, и вот
какой-нибудь затейливый проулок
тебя к реке дымящей подведет...
И, как юнец,
что в этот час не в школе,
стоишь с кошелкой рыжих бураков,
почуяв голос тайной дикой воли
от ветра, от реки, от облаков.

ИГЛА

Зал потаенный ресторана,
в помятой шляпе господин.
Пожалуйте: марихуана,
и ЛСД, и героин...
Какие испытые лица!
Они пришли сюда зачем?
Один укол простого шприца —
и вот он — чаемый Эдем!
И жизнь, что пролетает мимо,
вдруг отошла во тьму окна,
и эта боль, что нестерпима,
до полночи утолена.
А сколько хватит сил: на годик?
На более не хватит сил!

Но что с того, когда наркотик
весь мир на час преобразил!
Идет он, руки простирая,
не видя мир, не видя нас...
О час искусственного рая,
искусственного счастья час!
Сейчас он с теми, теми, теми,
кому вся жизнь уже мила
и у кого, пускай на время,
из сердца вынута игла.

* * *

«Тебе бы пользы все...»

Пушкин

Где небо черный мост загородил,
есть темный погребок перед заливом.
Туда заходят несколько чудил,
чтоб час-другой прокоротать за пивом.
А надо всем поднялся деловой
ночной Нью-Йорк, который без предела...
И чудачки качают головой
и шевелят губами то и дело!
Мир практики, как бы печной горшок,
стоит как будто крепость перед ними...
Тот позарос щетиной на вершок,
другой согнулся с патлами седыми...
Но вздрогнут вдруг они, открывши рот,
как будто захватили их над бездной,
когда вдруг кто-то в кабачке сверкнет
блестящею строфою бесполезной.

* * *

Что еще мне попросить у бога?..
Собрались морщины по челу.
Я с утра задумался глубоко,
трудно барабания по столу.
Что еще мне попросить у бога?..
Утренний остыл в стакане чай.
Новый день опять встает с востока:
не продешевить бы невзначай!

Что еще мне попросить у бога?..
Нечего. Вот мировой контраст.
Он ни в чем не заслужил упрека:
жизнь он дал мне. Смерть еще мне даст.

* * *

С дрожащим голосом обиды
И неестественно прямы,
Слепые ныли инвалиды
Неимоверные псалмы...
В вагоне, средь мешков в проходе
Пел, восходя на тенорок,
С рыданием о морской пехоте
Парнишка без обеих ног.
И на Цветном, что ближе к цирку,
Сидел, уже старик почти,
Держа зубами бескозырку
И крупно выставив культи...
Федяк, Иванов и Емелек,
Всех, кто сейчас отвоевал,
Вдруг разом выбросил на берег
Седой войны девятый вал!..
Стучали в грудь себе матросы,
Тряс костылем сапер-казах.
И гордые стояли слезы
В неумирающих глазах.

* * *

Не ты ль платком махала мне у пирса,
не ты ль бежала вдоль мазутных шпал,
все только для того, чтоб я не спился,
чтобы с пути не сбился,
не пропал...

Я умирал от голода и жажды,
но верил, приближаясь к рубежу,
что на колени милые однажды
я голову покорно положу.

СОДЕРЖАНИЕ

Танец пчел	3
Граммфон	3
«Вот меня отпустили заботы...»	4
Продавщица осьминогов	4
Природа	5
Лик	5
«Как жадно ждал я в детстве мига..»	6
«В могилке, а не в саркофаге...»	6
Светило	7
Дерево	7
Долгожитель	8
Колодец	8
Зло	9
«Познаем мы на свете печали...»	9
«Гордая дева волосы длинные вниз уронила...»	10
Лошадь в шахте	10
Лекция	11
«Жизнь у него, однако, не плохая...»	11
Медуза	12
Слава	12
Альбом	13
«Шум океанского прибоя...»	13
Хиппи	14
«Спасите нас от пророков...»	15
Мои ученики	15
Казино	16
На краю света	16
Джордано Бруно	17
Черепаша	17
Мистик	18
Старики	18
«Я видел как-то бокс в Канаде...»	19
«Я говорю: а ну, приятель...»	20
Ниагара	20

«Посмейся надо мной...»	21
Потеря пафоса	21
По ту сторону лица	22
Жизнь	23
«Коренник от чрезмерной натуги заржал...»	23
«Опять с намокшей шляпы каплет...»	23
Медзаклучение	24
Посреди Дели	24
Путешествия	25
«Ты одна все та же год от года...»	25
Гунн	25
Миф о богоборце	26
Танец живота	26
Психея	27
Британия	27
«Что ж, надо постепенно приучаться...»	28
Игла	28
«Где небо черный мост загородил...»	29
«Что еще мне попросить у бога?»	29
«С дрожащим голосом обиды...»	30
«Не ты ль платком махала мне у пирса...»	30

Евгений Михайлович Винокуров
ПУТЕШЕСТВИЯ

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор А. И. Евтущенко.

Сдано в набор 7.05.78. Подписано к печати 12.07.78. А 01200.
 Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Ново-
 газетная». Высокая печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,63.
 Тираж 100 000. Изд. № 2003. Зак. № 2225. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
 ул. «Правды» 24.